

Путевой обходчик

Предчувствовать и видеть

По жизни, как и по горе, спускаются очень быстро, зато поднимаются — очень долго.

Ги де Мопассан, французский писатель

1.

Пассажирский поезд номер два Москва — Владивосток прибывал на второй от перрона путь, когда обходчик вышел из дверей конторы станции. Сегодня, как и несколько дней до этого, он начинал обход своего участка не как обычно — из дома и с первыми проблесками рассвета, а из конторы станции и уже ближе к девяти часам утра. Причиной этому были планёрки-собрания всех заступающих на утреннюю смену работников станции, куда приглашали обходчика и его мастера из службы путевого хозяйства.

Должность путевого обходчика относилась к службе содержания пути, контора которой располагалась за железнодорожным вокзалом, но поскольку движение поездов зависело от состояния пути, в отделении железной дороги решили, что обходчик будет делать ежедневный отчёт и руководству станции, и мастеру путевой части. Для этого в старом здании вокзала, которое десять лет назад полностью

передали службе движения, переведя туда контору станции, один кабинет выделили для мастера путейцев. После того как обходчик возвращался с участка, он докладывал о том, что видел, своему мастеру, вместе они составляли письменный отчёт и шли с ним к начальнику станции или его заместителю, а в выходные и праздничные дни — к дежурному инженеру службы движения, находившемуся неотлучно в конторе станции. Если нужно было на что-то обратить особое внимание, начальник станции, его заместитель или дежурный инженер связывались с ответственными за движение поездов и принимали необходимые меры.

Начало мая 1975 года оказалось богатым на выходные. Первые два праздничных дня выпадали на четверг и пятницу, и большинство тружеников страны отдыхали от работы на производстве четыре дня подряд. День Победы — девятое мая — пришёлся на пятницу, поэтому и на следующей неделе было три выходных.

Дни эти были выходными и для работников путевого хозяйства, но некоторые, как выразился мастер, частенько дежуривший с обходчиком, «отдыхали их вполсилы». Под этим имелся в виду приказ начальника службы пути, согласно которому был составлен список монтеров, бригадиров и мастеров, обязанных в выходные дни неотлучно находиться дома, не злоупотреблять спиртным, а по возможности совсем не пить вино и водку, и если будет нужно, то по первому звонку или приходу к ним посыльного быть готовыми выехать на работу. Такое случалось, если на каком-нибудь участке в праздничные дни обнаруживали неисправность пути или, не дай Бог, происходила авария.

В первые девять дней мая 1975 года аварий на тайшетградском участке Транссибирской магистрали не случилось и неисправностей железнодорожного пути обнаружено не было. Однако все выходные и праздничные дни начала мая в конторе станции проводились перед дневной и ночной сменами собрания-планёрки, где большое внимание уделялось безопасности на железнодорожном транспорте, и на всех этих собраниях обходчику полагалось быть.

Служба движения поездов работала по своему сменному графику, невзирая на всеобщие выходные. Но смены

менялись, и на планёрках-собраниях обходчик каждый раз видел других людей. Менялись и его начальники — мастера, принимавшие его отчёт по выходным. Они, в отличие от дежурных инженеров — работников станции, не находились в конторе постоянно, а приходили по возвращении с участка обходчика. Чаще всего обходчик, вернувшись, докладывал о своём приходе дежурному инженеру, и тот звонил мастеру. Мастера, как правило, жили недалеко от вокзала, на Вокзальной или Транспортной улицах, и приходили на станцию в течение пятнадцати-двадцати минут после звонка дежурного.

И только обходчика никто не подменял и не заменял ни в праздничные, ни в какие другие дни, и он каждый раз, если ему наказывали, приходил на планёрки-собрания перед выходом на участок.

Вот и сегодня, десятого мая 1975 года, в субботу, он вышел на обход своего участка Транссибирской железнодорожной магистрали после того, как собрание и инструктаж по технике безопасности закончились.

Скорый поезд номер два стоял на станции три минуты. Обходчик заметил, что за это время никто из поезда, кроме проводников, не вышел, а несколько отъезжающих пассажиров успели добежать до своих вагонов и занять указанные в билетах места.

Обходчик дошёл до конца перрона и, обернувшись, проводил уходящий на восток поезд. Солнце уже поднялось высоко и, продвинувшись к югу, светило и пригревало теперь с левой стороны. Обходчик прошёл старые вагонные мастерские и вышел на тропку, протоптанную вдоль пути, ведущую к западному переезду.

2.

Ещё десять лет назад в черте города было три переезда. Западный и немного южнее его, у ветки, ведущей на Абакан, остались, а вот на месте много лет существовавшего восточного переезда теперь построили тоннель. И хотя участок, где прокладывали проезд под железной дорогой, был не его, обходчик часто проходил в том месте. Останавливался, смотрел, как идут строительные работы, а потом шёл дальше вдоль железной дороги, к заросшему теперь камышами

бывшему озеру. Рыбу там он уже не ловил, но, дойдя до забора шпалопропиточного завода, сворачивал с железнодорожного пути к очистным сооружениям, а потом к оставшейся от озера запруде — большой заболоченной луже с несколькими чернеющими островками, пропитанными креозотом. На чёрных, отливающих синими и зелёными пятнами островках не росли даже камыши. Обмелевший ручей Крутенький, впадая в это место, покрывался, как заражённый проказой, болячками — радужными пятнами — и уносил недоочищенный креозот из этой лужи-болота, ныряя под деревянный мост, проложенный через бывшую Харинскую улицу, ныне называемую именем космонавта Гагарина. Ручей, сверкая на солнце сине-зелёными пятнами, бежал дальше по низинке, мимо огородов, кустарников, совхозных полей и перелесков, к Грибановой горе, чтобы там, под горой, названной по фамилии владельца бывшей заимки, слиться с другим бегущим из тайги ручьём и растворить в нём себя и свою язву.

С некоторых пор на географических картах района таёжный ручей, в который впадал Крутенький, обозначался как мелководная речка Акульшетка. Рассматривая географические карты и карту Восточно-Сибирской железной дороги, а также читая газеты — областные и свою районно-городскую, обходчик узнавал из них о сменах привычных для него названий населённых пунктов. Он немало удивился, прочитав о том, что так хорошо знакомое ему много лет село Окульшет теперь называется Акульшет.

К семидесятым годам двадцатого столетия Тайшетград окружали уже три Акульшета. Бывший Окульшет стал обозначаться как Старый Акульшет, на восточном выезде из города появился посёлок Новый Акульшет, а на северной железнодорожной ветке, идущей к Братску, Усть-Илиму и Усть-Куту, — станция Акульшет. По какому-то из этих Акульшетов и получил название ручей, обозначаемый теперь речкой. Перемена в названии коснулась и родного села обходчика. Баеру стали обозначать на картах и в официальных документах как Байроновку. Село Байроновка значительно уменьшилось, после того как большинство его жителей, с развитием Тайшетграда и образованием в городе новых предприятий, перебралось жить и работать

в районный центр. Да и селом Баера быть перестала. В послевоенные годы её официально называли деревней. В начале семидесятых годов на высокой Байроновской горе была сооружена башня-антенна, охватывающая телевидением весь Тайшетградский район, но это не дало нового импульса развитию Байроновки. Она осталась деревней.

Название «Байроновка» получил и остановочный пункт электропоездов у села Николаевка, километрах в двадцати восточнее деревни Байроновка, а также таёжный ручей, протекающий по Николаевке и добегающий до бывшей Баеры (тоже переименованный в мелководную речку). И теперь жители села Николаевка на речке Байроновка уезжали из дома на электропоездах и возвращались обратно к себе на станцию Байроновка. Когда же в Николаевке образовали совхоз «Байроновский», а затем и леспромхоз с таким же названием, многие жители района оказались в растерянности, не зная, как правильно именовать теперь этот населённый пункт. Подавляющее большинство стало называть станцию, а заодно и всё село, Байроновкой, однако представители местной сельской власти и преподаватели Николаевской средней школы дружно отстаивали название Николаевка, подчёркивая это при любом удобном случае.

Отстаивали свою Байроновку и жители бывшего села Баеры. Новое, выросшее при советской власти, поколение билось (порой в прямом смысле дело доходило до драки) за то, чтобы Байроновкой называлась только их деревня, а Николаевка даже не смела произносить это название по отношению к себе. Но тем не менее на здании у железной дороги в селе Николаевка крупными буквами было написано: «Ст. Байроновка», — а чуть ниже и помельче: «Восточно-Сибирской железной дороги».

Обходчику иногда хотелось узнать фамилии и имена тех людей, что давали названия населённым пунктам, и всегда горел он желанием заглянуть в глаза тому, видимо, интересному по своей натуре человеку, что переименовал его родную Баеру в Байроновку, назвав так же ручей и остановочный пункт в Николаевке.

Название остановочного пункта электропоездов в Николаевке, крупно написанное на здании станции, ставило в тупик

людей с высшим и средним специальным образованием, проезжающих мимо него в поездах дальнего следования. Некоторые связывали название с английским поэтом Байроном. Они делали свои выводы, строили гипотезы, пытаясь ответить на вопрос: почему сибирская таёжная станция носит имя классика мировой литературы? Обходчик даже слышал версию о том, что во времена, когда в России ещё не было железных дорог, лорд Байрон, путешествуя на лошадях, по пути к Тихому океану сделал остановку в этом селе. Но это было не так. Обходчик читал много книг и знал, что английский поэт Байрон любил путешествовать по свету, но никогда не был в России, а о том, что есть какая-то Сибирь, он, может быть, даже и не знал и не слышал ни разу за свою короткую жизнь. Скорее всего, после Гражданской войны топографические карты их местности составлял человек, хорошо знакомый с произведениями мировой литературы, не лишённый фантазии. Видимо, он, родившийся далеко от этих мест, наткнувшись на название «Баера», решил продемонстрировать свою эрудицию и внёс поправочку, которая распространилась и на протекающую по селу речушку. Не задумываясь о последствиях. Хотя никаких последствий-то и не было. Так поступал, видимо, не он один.

Наверняка не один человек утверждал и названия улиц в Тайшетграде, почему-то называя улицы именно так, и не иначе. В результате вышло, что одна из улиц имеет два названия. Проходит она как раз под тоннелем. С северной части до тоннеля именуется в честь полководца Суворова, а за тоннелем, с южной стороны, по фамилии поэта Пушкина.

«А как она называется под самим тоннелем? — думал иногда, посмеиваясь, обходчик. — Наверное, Тоннельная или Подрельсовая?»

3.

Западный переезд стоит на откосе, к которому ведёт автомобильная дорога, соединяющая северную часть города с южной. Лет пятнадцать назад вместо деревянной будки дежурного по переезду, здесь была сооружена кирпичная. Как и большинство подобных ей будок на железнодорожных переездах страны, она белела теперь у западного переезда Тайшетграда и была видна издалека.

Обходчик поздоровался с дежурной — пятидесятилетней женщиной по имени Маруся. Маруся жила рядом, в трёхквартирном доме, стоявшем внизу, под откосом, метрах в пятидесяти от переезда. Муж Маруси, литовец Йозас, рабочий на станции, занимался теперь тем, что в своё время делал отец обходчика: зимой убирал снег на перроне и виадукe, летом подметал привокзальную территорию.

Окна квартиры, где жили Йозас и Маруся, смотрели на откос и железную дорогу, и когда Йозас замечал у переезда обходчика, всегда выходил на крыльцо, приветливо махал и приглашал заглянуть на чашечку чаю.

— Потём, друк, чай палаваться. Успешь нахотиться... — говорил Йозас, добродушно улыбаясь и протягивая ему обе руки.

Обходчик, бывало, соглашался и заходил. Случалось это в год раза по три-четыре, а то и больше. Йозас всегда усаживал гостя на одно и то же место — на табуретку за кухонным столом, справа от окна, с видом на переезд и проходившие на запад поезда. Пока обходчик пил чай и разговаривал с хозяевами, поезда проносились мимо, и у него возникало чувство, что они мчатся прямо на дом и вот-вот пролетят над его головой. Когда он в первый раз оказался у окна в квартире Йозаса и Маруси, появление предсказуемого им поезда на переезде, с долгим гудком и простукиванием железных колёс на стыках рельсов, напугало его. Он инстинктивно наклонил к столу голову, как будто собрался пригнуться, чем вызвал усмешку на лице Йозаса.

Обходчик улыбнулся в ответ и спросил хозяина, не бывает ли ему страшно от мысли, что если вдруг соскочит электровоз с рельсов, то покатятся вагоны прямо на дом.

— Билё дэлё, я тож думаль об этом сначала, а потом привыкль... — сказал, продолжая улыбаться, Йозас. — Нэ бращай внимань тэпэль. Двадцать лэть живёмь туть... Привыкль... Нэ соскочить вагонь с рэльс. Рэльс крепко стоять. Поэзд крэпко идеть по рэльс... Нэ упадеть.

Йозас после войны десять лет отбывал срок в лагере для политзаключённых. Обходчик в душу литовца не лез и ни о чём его не расспрашивал, но он слышал, что осудили Йозаса за связь с «лесными братьями», сражающимися против советской власти в Прибалтике, и, по слухам, за сотрудничество с

немцами во время Великой Отечественной войны. Глядя на этого полного добродушного человека, всегда ходившего на работу пешком вдоль железной дороги с метлой или лопатой на плече, обходчик не мог представить его с автоматом или винтовкой, поверить в то, что он был способен стрелять в людей.

После освобождения домой, в Литву, Йозас не поехал, остался в Сибири, устроился работать на станцию, где и познакомился с дежурной по поезду Марусей. У них родились две дочери. Одна, Наталья, живёт сейчас отдельно своей семьёй, вторая, Светлана, учится в Иркутске, в техникуме торговли, и приезжает к родителям только на каникулы.

Окружающие Тайшетград и появившиеся рядом с сёлами и посёлками до Великой Отечественной войны и сразу после войны лагеря для заключённых по уголовным и политическим делам — особая страница в истории района. В конце тридцатых годов в городе было создано управление лагерями, а после войны — ещё одно. Во второй половине сороковых старые и вновь образованные лагеря стали пополняться большим количеством заключённых. Из Западной Украины и Белоруссии привозили воевавших против советской власти «бандеровцев», из Прибалтики — «лесных братьев». Особым презрением населения района были отмечены так называемые «власовцы» — бывшие солдаты и офицеры Красной Армии, добровольно согласившиеся воевать на стороне захватчиков.

— Я бы этих без разбору к стенке ставил, — говорил в то время мастер пути Александр Михайлович, фронтовик, получивший тяжёлое ранение в ногу при освобождении Будапешта и теперь прихрамывающий. Брат его, тоже железнодорожник, погиб в боях под Курском. — В какой-то степени я даже могу понять западных украинцев и прибалтов. У многих из них не было времени разобраться, кто им действительно враг. Сначала Красная Армия пришла на их землю, потом германцы стали хозяйничать, потом снова русские. Они и с немцами воевали, и с нашими. А эти... Они же бойцы регулярной армии были! Они же присягу Родине давали! Нет им оправдания! Всех их надо без суда и следствия к расстрелу приговорить! А с ними ещё нянчатся... Вот он отсидит своё и снова будет жить среди нас как ни в чём не бывало! Так, что ли? — спрашивал мастер обходчика.

— Наверное, так... — говорил ему обходчик, стараясь не вызвать у мастера приступа агрессии.

Он помнил, как Михалыч едва не зашиб путейским молотком молодого парня, который, выслушав как-то его речь о предателях Родины, сказал, что не все из них лютовали, что есть среди них и такие, кто не убил ни одного человека.

— Я читал, что некоторые даже не участвовали в боях. Служили водителями, посыльными в штабах...

— Так ты что, молокосос, предательство здесь мне оправдываешь? — побагровел мастер, взявшись за молоток. — Где ты такое вычитал? Уже сам факт того, что солдат, присягнувший Отечеству, пошёл против своего же Отечества, достоин осуждения! Предавшие Родину должны заплатить жизнью! Ты понял это, сосунок?!

Дело происходило в одном из путейских домиков на участке обходчика, во время обеда. Паренёк-путеец, поняв, что разбудил в своём мастере зверя, кинулся прочь из домика, а мастер, схватив молоток, бросился следом. В дверях его задержали.

— Михалыч, брось! Не надо! Пацан несмышлёный, в армию ещё не ходил. Мелет сам не знает что!

— Вот из таких вот читателей, не нюхавших пороха, и появляются предатели! — кричал в открытую дверь домика вслед убегающему юнцу мастер, вырываясь из обхвативших его рук путейцев. — Отправь его воевать — он завтра же к врагам перебежит!

Население района пополнилось перед войной и спецпереселенцами из числа раскулаченных. Людей привозили семьями и селили по деревням. Бывало, что по национальному принципу. Две деревни, расположенные вдоль тракта, идущего от Тайшетграда до посёлка Шиткино, после приезда спецпереселенцев стали называть татарской и башкирской. Приезжие привезли с собой и свои традиции. Надо сказать, что ни местные, ни районные власти не находили причин против того, чтобы ссыльные люди устраивали в деревнях национальные праздники. Поселенцы охотно вливались в число работников сельхоз- и лесозаготовительных организаций и работали с полной отдачей сил. После войны и особенно амнистий, проведённых правительством в 1953 — 1956 годах,

в число работающих в лесозаготовительных организациях района влились и бывшие заключённые — выходцы из прибалтийских республик, которые, как Йозас, не поехали на родину, а остались жить и работать в Сибири.

После амнистий по уголовным и политическим делам в районе стали закрываться лагерные посёлки. Часть из них ликвидировали полностью, вплоть до разбора на дрова последнего барака, но в некоторых убрали только заборы, вышки и колючую проволоку. Оставшиеся бараки переоборудовали в жилые дома, образовав на месте бывших лагерей посёлки лесозаготовителей.

Под жильё для строителей преобразовали и переселенческий посёлок в Тайшетграде, расположенный между улицами Транспортной и Харинской, недалеко от железнодорожной больницы. Убрали забор, провели перепланировку. Вновь образованную улицу назвали Шлакоблочной.

В переоборудованное жильё заселяли рабочих нового строительного управления, возводившего в городе первые каменные жилые дома — сначала на два, потом на три, четыре, а позже и на пять этажей. В район стали приезжать новые молодые люди со всего Союза, теперь уже не под охраной и по спецпринуждению, а добровольно завербовавшись.

В шестидесятые годы название города было известно всей стране, от него начиналось строительство вторых путей к станции Лена и новой железнодорожной ветки, ведущей на Абакан.

4.

В мире, в стране, в районе, в городе и в жизни обходчика за послевоенное время произошло немало событий.

Союзники по мировой войне после победы над общим врагом очень скоро сами стали врагами. Наверное, все понимали, что друзьями Советский Союз с Великобританией и Соединёнными Штатами Америки никогда не были, а объединились по необходимости. Когда же необходимость в союзе отпала, снова вернулись на свои позиции. Теперь идёт новая, названная в газетах «холодной», война. Но, несмотря на это, главы государств встречаются, улыбаются, пожимают друг другу руки. На лето 1975 года даже

совместный космический полёт наших космонавтов и американских астронавтов со стыковкой на орбите наметили...

А страна продолжает совершать подвиги. Теперь уже трудовые и научные. За короткое время снова поднялись разрушенные войной города, построены новые заводы, распаханы целинные земли, человек полетел в космос.

Полёт на орбиту Земли и весть о том, что первый в мире космонавт родом из Советского Союза, лётчик, старший лейтенант, вызвали в стране всеобщую радость. День двенадцатого апреля 1961 года, как и День Победы девятого мая 1945 года, сплотил людей, сделал родными. Забыв горести, обиды и ссоры, люди в этот апрельский день обнимались, целовались, вытирали слёзы радости. Страна гордилась двадцатисемилетним своим гражданином Юрием Гагариным и считала его своим братом и сыном.

В начале шестидесятых годов к Тайшетградскому району присоединили соседний Шиткинский, несколько колхозов объединили в совхозы. Бывшая деревня Суетка за Бирюсинским мостом сначала стала посёлком, а затем городом и называется теперь Городком на Бирюсе. Недалеко от лесодеревообрабатывающего комбината в Городке выстроили гидролизный завод, новую школу, Дом культуры. Получил развитие и небольшой посёлок сплавщиков леса Бирюсинка. Новые подъездные пути подвели к леспромхозам на станциях Байроновка и Разгон. Но главным послевоенным событием в жизни района и города стало открытие железнодорожного пути на Абакан. В декабре 1965 года по новой ветке прошёл первый пассажирский поезд. Он вёз строителей, железнодорожников и ветеранов Восточно-Сибирской магистрали. Пассажирам выдали именные билеты с указанием мест. В числе тех, кто удостоился такой чести, был и бывший заведующий железнодорожным клубом, почётный железнодорожник страны Николай Григорьевич. Внесли было в списки первых пассажиров и имя обходчика, но он, подумав, отказался. Нужно было на три дня оставлять свою работу, ехать в неведомый ему Абакан, где формировали поезд.

— Не могу я оставить свой участок и на один день, — сказал тогда обходчик начальнику службы путевого хозяйства, пригласившего его для разговора. — Ни разу за время

своей работы я не пропустил ни одного обхода. Выходил каждый день и чувствовал всегда себя хорошо. Если оторвусь на три дня от привычного дела — боюсь, заболею и слягу. Поймите меня, пожалуйста...

Начальник службы пути, бывший много лет мастером, работавшим с обходчиком, его понял. Обнял по-дружески и сказал, что отдаст его место старшему мастеру. Оба тогда, глядя друг другу в глаза, задали себе молчаливый вопрос: сколько же лет и зим, не зная отдыха, выходит обходчик на свой участок?

Обходчик, вместе с начальником и ещё сотнями людей, встречал у здания нового вокзала Тайшетграда первый поезд из Абакана.

Такого столпотворения на перроне вокзала и вокруг него обходчик не видел с победного 1945 года, когда останавливался здесь эшелон с ехавшими на Дальний Восток артистами Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски. Несмотря на зимний прохладный день, приветствовать первый поезд, прошедший по новой железнодорожной трассе, и его пассажиров пришли школьники, учащиеся ГПТУ и медицинского училища, рабочие строительных предприятий и железнодорожники. Поезд встретили с оркестром, песнями и плясками. Провели митинг, на котором выступали начальник строительства, рабочие, железнодорожники, районные руководители и специально приехавшие в Тайшетград по этому поводу представители областной власти.

Значимое событие для города и района произошло и год назад, тридцатого апреля 1974 года. На вокзале встречали первых строителей новой Байкало-Амурской магистрали. Всесоюзный строительный отряд был сформирован прямо на семнадцатом съезде комсомольцев в Москве. И снова на перроне было много народу, и снова были песни, пляски, речи.

Районный центр Тайшетград к 1975 году заметно похорошел и расширил свои границы. На базе небольшого ремонтно-механического завода, дававшего вторую жизнь грузовым автомобилям, развился в городе крупнейший в Сибири завод по ремонту дорожно-строительных машин. Как грибы в июле, стали подниматься в северо-восточной части города, по улице Полевой, дома-пятиэтажки — жильё для работников завода и строителей. Любимым местом отдыха горожан в

шестидесятые-семидесятые годы стал парк культуры по улице Пушкина, где установили качели и карусели, оборудовали площадки и скамейки для отдыха, заасфальтировали дорожки. В парке по выходным с весны до осени проводили соревнования по шахматам, шашкам и настольному теннису, в дни летних каникул показывали фильмы для детей в специально переоборудованном под кинозал на колёсах автобуса. А через дорогу от парка возвели стадион — ещё одно любимое место для проведения досуга, правда, в основном мужской части населения. Стадион поочерёдно брали на свой баланс строители, то железнодорожники, и название его время от времени менялось со «Строителя» на «Локомотив» и обратно. По субботним и воскресным дням с мая по октябрь на стадионе выясняли отношения по шесть-восемь команд из районного центра и по одной из Городка на Бирюсе и рабочего посёлка Юрты. Не пустовал стадион и зимой. Футбольное поле заливали и превращали в ледовую площадку, где кипели матчи по хоккею с мячом, согревая даже в морозные дни своим накалом сотни собравшихся болельщиков.

Жизнь менялась и вокруг обходчика. Именно вокруг него, ибо каждый день жизни самого обходчика был во многом предсказуем. Он начинался либо с планёрки на станции и обхода участка, либо сразу с обхода, а затем вечернего доклада дежурному мастеру. Обходчик знал своё дело и другой жизни не хотел и не представлял. Много раз он благодарил судьбу за то, что однажды принял верное решение и пошёл работать на железную дорогу, за то, что пришёл именно в тот день и в тот час в контору станции и встретил именно того инженера, который предложил ему работу «на свежем воздухе».

«Как всё-таки хорошо и удачно сложилось в жизни, — думал обходчик. — А ведь могло быть по-другому, приди я устраиваться на работу в другой день или даже в другой час того же дня, чуть раньше или чуть позже. А если бы на месте того инженера оказался другой человек и он предложил бы мне работать не обходчиком, а ремонтником в вагонных мастерских, что было бы тогда? Где бы я жил сейчас? И жил ли бы?»

Многих людей с кем начинал работать на железной дороге обходчик, уже нет в живых. Покоятся они на городском кладбище, мимо которого он проходит каждый день.

Появившийся в тридцатых годах на пустыре за речкой Тайшеткой погост, вместо оказавшегося едва ли не в центре города старого, к семидесятым разросся и оказался зажат двумя железнодорожными ветками — Транссибирской и Абаканской, вплотную подступив к железной дороге. И с абаканского поезда, и с поездов, идущих по Транссибу, были видны теперь памятники, кресты и оградки.

Похоронена там рядом с мужем-инженером, в своё время дослужившимся до должности начальника вагонного депо, и старшая сестра обходчика. Недалеко от их оградки — могилка «барыньки Нюры», соседки обходчика Анны Георгиевны. Она умерла в начале шестидесятых. Тогда же в соседнюю квартиру вселился её внук Николай, сын заведующего железнодорожным клубом Николая Григорьевича. Артистом Николай Николаевич, как и его двоюродный брат Александр Александрович, в паре с которым они плясали в детские годы на концертах, не стал. Артистом стал брат Николая — Евгений. Женька-балалаечник в конце сороковых подался в Москву, там окончил музыкальное училище и теперь играет в ансамбле русских народных инструментов. «Балалает», — как говорит о сыне постаревший и польсевший, но всё ещё держащийся с достоинством Николай Григорьевич. Евгений гастролирует с ансамблем по стране, бывает и за рубежом. Каждый год старается навестить родителей.

Двоюродные же братья — Николай и Александр — учились сначала на шофёров и одно время работали водителями автомобилей — возили строительные материалы. После службы в армии Александр окончил строительный техникум и стал работать в стройуправлении номер двадцать один, а Николай устроился слесарем подвижного состава в вагонное депо станции. Оба женились, у обоих появились дети.

Николай с молодой женой Валентиной и двумя маленькими детьми — Володей и Аней — жили дружно. Частыми гостями у них были и Николай Григорьевич, и его младший сын Игорь — брат Николая, тоже работавший в вагонном депо, и Александр Александрович с семьёй, и всегда приезжающий с подарками из столицы Евгений. Навещала молодых и родня со стороны Валентины из деревни Семикрыловка: её мать, сёстры, двоюродный брат Виктор. Николай

с Валентиной были соседями обходчика около десяти лет. Сын их Володя учился в восьмом классе, а дочь Аня в третьем, когда Николая не стало. Всё случилось быстро, весной 1973 года. Николай, вернувшись с ночной смены, внезапно занемог, и его увезли на скорой в железнодорожную больницу. Там установили, что у больного внутреннее кровоотечение, стали готовиться к операции, но не успели...

После смерти мужа Валентина с детьми прожила в соседней с обходчиком квартире около года, а потом переехала в новый район — на улицу Полевую, за ручей Крутенький, где в год сдавали по два-три пятиэтажных дома для работников завода по ремонту дорожно-строительных машин и строительного участка номер двадцать один.

— Не могу я здесь жить, — признавалась обходчику и его младшей сестре Валентина. — Всё в этом доме напоминает Николая. Мне кажется, что он ходит по квартире ночью, скрипит половицей, гремит посудой на кухне...

После отъезда Валентины с детьми в квартире по соседству за год сменилось несколько жильцов. Туда заселяли молодых инженеров, приехавших на работу по направлению, а когда они создавали семьи, им сразу давали новое жильё на соседней Локомотивной улице, где построили и продолжали строить пятиэтажные дома для железнодорожников.

Старшая сестра обходчика умерла в 1971-м, на два года пережив мужа. Хоронить отца, а затем и мать приезжал с женой из Минска их сын, племянник обходчика, полковник в отставке. После выхода на пенсию он поселился в столице Белоруссии. Его сыновья продолжили дело отца, тоже стали военными. Старший пошёл по политической линии, служит замполитом в общевойсковой части, а младший, как и отец, — танкист, командир танкового батальона.

В том же 1971 году не стало и младшего брата обходчика. Зимой он простыл, заболел, попал в больницу и там умер от двухстороннего воспаления лёгких. Похоронили его на станции Зима, где он прожил всю свою жизнь. Дети его, тоже железнодорожники, к тому времени со своими семьями уже жили в Иркутске, куда после смерти отца перевезли престарелую мать.

Вот так получилось: потомки старшей сестры обходчика и его брата живут теперь далеко от родины своих предков

и, быть может, даже не думают ни о Баере, ни о Тайшетграде. Ведь они родились не здесь. У них другая родина.

А младшая сестра обходчика ещё жива и даже здорова. В этом году ей исполняется восемьдесят пять. Она до сих пор не может усидеть на месте и бегаёт по утрам и вечерам в школу рабочей молодёжи, где наводит порядок: моет полы в коридоре и классах, даёт звонки на перемену уроков. После выхода на пенсию сестра несколько лет ещё работала в железнодорожной прачечной, а потом перешла в школу номер четырнадцать, где была техничкой и гардеробщицей вплоть до своего восьмидесятилетия. Когда же после торжественно отмеченного всей школой её юбилея сестру проводили на покой, она смогла выдержать только три дня. Прочитав объявление, что в находящуюся недалеко от дома школу рабочей молодёжи требуется техничка, сестра тут же поспешила туда и убедила директора, тоже человека пенсионного возраста, принять её на работу.

Сестра по-прежнему живёт в доме обходчика, в своей большой комнате-спальне, готовит брату завтраки и ужины, каждое утро собирает его походную сумку. Нечасто, но бывает, летом, по выходным дням, она навещает деревню, проводит дом родителей. Иногда обходчик составляет ей компанию.

Дом по-прежнему смотрится со стороны прилично. Не хуже других. Но обходчик знает, что он уже отслужил своё. Нижние венцы погнили, весной в подпол попадает вода. Несколько раз на дом находились покупатели. Предлагали неплохие деньги, но сестра не захотела его продавать.

— Это же память наша. Память о наших родителях, нашем детстве. Как это всё можно кому-то продать? — говорила она ему. — Ведь его покупают не из-за дома, а из-за участка. Дом сломают, построят на его месте новый, и умрёт наша память. Пусть стоит, пока мы живы. А когда нас не будет, тогда уж Бог сам рассудит. Правда, брат?

— Правда, — соглашался с ней обходчик.

5.

От западного переезда до городского кладбища — около двух километров. Обходчик вспомнил о тех, кто лежит там, когда проходил мимо виднеющихся с железной дороги

оградок. Каждый раз, когда он доходил до этого кладбища или погоста на станции Бирюсинка, на глазах его появлялись слёзы, и он думал о смысле человеческой жизни, о том, что жизнь до обидного коротка.

В молодости кажется, что всё у тебя впереди: десятки лет, тысячи дней, бессчётное количество часов и минут... Да и в годы зрелые, когда человек уже пожил на свете и немало видел, он тоже думает о том, что времени ему отмерено ещё немало и можно попробовать что-то изменить в своей жизни. Ему кажется, что для этого не надо больших усилий, нужно просто сделать правильный вывод из прожитого... Однако время, идущее вроде бы не торопясь — минута за минутой, час за часом, день за днём, заставляет не торопиться. Но оно обманывает человека. Складываясь медленно в годы, ещё медленнее — в десятилетия, время играет с ним: даёт ему надежду, всем своим расположением показывает, что можно не спешить и жить размеренно. И человек часто поддаётся на его уловку: живёт, если позволяют обстоятельства, степенно, не замечая, как стареет. Понимание того, что ты уже состарился, приходит всегда неожиданно и застаёт врасплох. В одно пасмурное утро, ненастный день или усталый вечер человек вдруг, к ужасу своему, осознаёт: большая часть жизни его прожита, молодость не вернётся, плод перезрел и начал ветшать, и многое, о чём он мечтал, уже не состоится. А главное, он жил и не видел, не замечал, как менялся вокруг него мир. И вот когда он оглянулся и осмотрелся, то не узнал его. Детство, юность, зрелые годы, молодые лица друзей и родных остались только в памяти и на фотографиях, а вокруг теперь другие, малознакомые или незнакомые совсем, люди. Они живут, радуются, смеются, строят планы, мечтают. Наступает и уже наступило их время. Они сейчас хозяева жизни. Впрочем, хозяева ли? Скорее всего, они пребывают в иллюзии, попав в плен времени, ошибочно считают себя повелителями своих судеб. Разочарования у них ещё впереди, а осознание реальности — далеко впереди. Но им всё же хочется завидовать. Это пока ещё их мир. Пусть живут и радуются! Пусть не думают о старости и скоротечности жизни. Может быть, кого-то из них подхватит птица счастья и унесёт в заоблачную даль, туда, где исполняются

мечты. И хотя мечты молодых кажутся ему с высоты его прожитых лет наивными, пусть они всё же исполнятся.

Думая о том, что у молодых многое впереди, он не ставил на своей жизни крест. У него тоже пока есть куда стремиться. Впереди него всегда непройденный путь. Каждый день почти двенадцать километров в одну сторону и столько же обратно. Обходчик понимает, что он давно прошёл большую часть своего пути — жизненного и отмеченного километровыми столбиками на Транссибирской магистрали. Если сложить пройденный им за время обходов километраж, то получится, что он обошёл вокруг Земли не один раз и, может быть, успеет пройти ещё расстояние, равное от Тайшетграда до Москвы или хотя бы до Иркутска.

Мысли о том, что память человека хранит многое и освежает события, связанные с тем или иным случаем, если находишься на месте, где эти события произошли, часто приходят обходчику, когда он доходит до откоса. Обходчик всегда делает остановку и смотрит на дорогу, ручей, пробегающий рядом, кусты ивы, одинокие берёзки за ручьём и виднеющийся на горизонте лес.

Когда-то давно, ещё до революции, а будто только вчера, выпрыгивали на ходу из арестантского вагона в этом месте политические заключённые Петров и Коростелёв.

И надо же такому случиться: через сорок с лишним лет в этом же месте с пассажирского поезда выпрыгнули ещё трое: мужчина и две женщины. Мужчина сломал ногу и остался лежать на откосе, а женщины, перебравшись через ручей, убежали тогда в лес. Произошёл это случай летом то ли 1953-го, то ли 1954 года. Обходчик точно не помнил, но случилось это после указа правительства о большой амнистии заключённых. В то время Тайшетград был переполнен освободившимися из заключения людьми, съезжающимися на узловую станцию. Вокзал был постоянно забит приезжающими и отъезжающими, билетов на всех и мест в проходящих поездах не хватало. С утра до вечера к магазинам выстраивались огромные очереди, то и дело возникали драки с поножовщиной, на улицах стали грабить прохожих. Были отмечены случаи изнасилований и даже убийств. Жители города вечерами старались реже выходить из домов. На помощь местной

милиции прислали подкрепление из Иркутска. Милиционеры патрулировали улицы, наводили порядок на вокзале и у магазинов, каждый день задерживали по несколько человек и спецмашинами отвозили в места временной изоляции.

Вот тогда и выпрыгнули на ходу из пассажирского поезда мужчина и две женщины. Поезд этот шёл в западном направлении вечером, когда обходчик уже закончил работу. Но через два дня его до начала обхода вызвали в контору станции и велели сопроводить двух приехавших из

Иркутска милиционеров к откосу, где этот случай произошёл. Фамилии приехавших из областного центра капитанов милиции, к удивлению обходчика, были Петров и Коростелёв. Оказалось, что это сыновья Константина Васильевича Петрова и Анатолия Ивановича Коростелёва. Родители их в предвоенные годы заслуженными людьми вышли на пенсию и жили теперь в Иркутске. Дети друзей-революционеров тоже стали друзьями. До войны поступили на службу в железнодорожную милицию, во время войны несли службу по охране грузов на станции Иркутск-Сортировочный, ловили бандитов и расхитителей. Имеют награды.

— И как же это угораздило отца тут ногу подвернуть? — глядя вниз, улыбаясь, говорил товарищу Иван Коростелёв, когда обходчик привёл их на откос. — Не подвернул бы — убежал бы, как твой батька, в лес.

— Здесь один путь — только в лес, — согласно кивал другу капитан Василий Петров. — И эти дамочки туда же лыжи свои наострили...

Как рассказали обходчику милиционеры, две женщины, возрастом под сорок, были осуждены во время войны за участие в разбойничьих нападениях. Амнистия на них не распространялась, и они, воспользовавшись послаблением режима, совершили побег. И не просто побег, а разоружили охранника, взяв его в заложники.

— Представляете, этот охранник и вещи за ними носил, и людей завлекал, чтобы те их в безлюдных местах грабили, и даже удовлетворял их как мужчина, — рассказывал Иван.

— Да, натерпелся мужик, — дополнял друга Василий. — Ему пистолет к голове приставляли и заставляли делать мужское дело.

— Да уж и натерпелся! — не соглашался Иван. — Это он так нам с тобой, Вася, говорит. А как на самом деле было — неизвестно. Может, и в радость ему это дело было? Почему он от них при первой возможности не сбежал? Целых восемь дней с ними болтался. Они же, пока в город пришли, два магазина в деревнях ограбили. А на заимке, недалеко от Старого Акульшета, ворвались в дом, загнали в подпол и мужа, и жену, и малолетних детей, и старуху семидесятипятилетнюю. Забрали продукты, деньги... Он что, не мог момент

выбрать — обезоружить их? Он же военный... Наверняка помогал им и людей вязать ... Он им и билеты на поезд покупал... Не заметили бы пассажиры в поезде у них пистолет, не подняли бы шум — не пришлось бы им с поезда прыгать. Они бы вместе с ним благополучно доехали до Красноярска или Новосибирска и там бы продолжили свои дела...

— Ну, мы же с тобой, Ваня, когда учились, изучали синдром привыкания. Когда преступник и жертва находятся долгое время вместе, случается, что они проникаются друг к другу симпатией. Думаю, что здесь этот случай, — рассуждал капитан Василий Петров.

— Этот случай или не этот — суд определит! — горячился Иван Коростелёв.

Преступницы далеко не ушли. Они вышли к колхозной пасеке, там связали старичка-пасечника и забрали всё, что было у него из продуктов. Обыскивая избушку и хозяйственные постройки, беглянки наткнулись на бутылки с мёдухой. Причастившись несколько раз, они улеглись на постели пасечника отдохнуть. Пока преступницы пили, ели и спали, старичок сумел освободиться от верёвок и, прибежав в село, рассказал, в чём дело. Вызвали милицию и взяли дамочек без сопротивления, шума и выстрелов.

— Вот так и взяли тёпленьких и пьяненьких, почивавших в обнимочку на дедушкиной постельке, — сказал Василий Петров.

Позже, как слышал обходчик, суд приговорил женщин за побег, захват заложника, разбои и грабежи к расстрельной статье, а бывшему охраннику за содействие в преступлениях дали по совокупности десять лет лагерей.

6.

Обходчик постоял с минуту над откосом, вспоминая события минувших лет, и, повернувшись, посмотрел на запад. Две стальные полосы железнодорожного пути, вдоль которых он шёл по краю откоса, и две на пути встречном уходили, сверкая на солнце, вдаль, делая там поворот и прячась за деревьями. Ему сегодня ещё предстояло идти туда, а потом обратно. Он прошёл только пять километров, и бóльшая часть пути была впереди.

Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги.
Ветер рвёт горизонты
И раздувает рассвет, —

вспомнились ему слова песни. Эту песню он услышал по телевизору года два назад. Мужик с бородой, похожий на геолога, сидел прямо на рюкзаке на перроне вокзала в ожидании поезда, играл на гитаре и пел, а две молодые женщины в куртках-штормовках, таких же как у певца, стояли позади него и подпевали.

Люди идут по свету.
Слова их порою грубы.
«Пожалуйста... извините...» —
С усмешкой они говорят.
Но грустную нежность песни
Ласкают сухие губы,
И самые лучшие книги
Они в рюкзаках хранят.

Слова песни понравились обходчику. Душа его, словно выбросив два крыла, взлетела над домом, городом, Транссибирской магистралью, и обходчик увидел и вокзал, и свой участок, и мост через Бирюсу. Он невольно привстал перед телевизором и запел вместе с мужиком и женщинами, чем немало удивил сидевшую рядом с ним у телевизора сестру.

Они в городах не блещут
Манерой аристократов,
Но в чутких высоких залах,
Где шум суеты затих,
Страдают в бродячих душах
Бетховенские сонаты
И светлые песни Грига
Перепополняют их.

С тех пор обходчик часто напевал слова песни при обходе своего участка.

С появлением телевидения в Тайшетграде в 1972 году, сначала местных, а год спустя областных и московских передач, жизнь обходчика и его сестры обрела новый, дополнительный смысл. Они любили вечерами, поужинав,

смотреть фильмы и концертные программы, с нетерпением ожидали праздничные «Голубые огоньки».

Вот и вчера, девятого мая, «Огонёк», посвящённый тридцатилетию Победы советского народа над фашистской Германией, оправдал их ожидания. В передаче принимали участие фронтовики, известные в стране артисты. Звучало много песен о войне. Большинство — хорошо обходчику знакомых, но была среди них одна новая...

Обходчик запомнил, что слова песни сочинил фронтовик, участник войны, а вот музыку — совсем ещё молодой композитор. И пел песню тоже молодой исполнитель Леонид Сметанников. Какие правильные слова были в этой песне!

День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк.
Были вёрсты, обгорелые, в пыли, —
Этот день мы приближали, как могли.

Этот День Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы! День Победы! День Победы!

А когда певец пропел:

Здравствуй, мама, возвратились мы не все...
Босиком бы пробежаться по росе!
Пол-Европы прошагали, полземли —
Этот день мы приближали как могли, —

у обходчика навернулись слёзы, а его сестра заплакала.

Да, уже тридцать лет прошло с того дня, как закончилась Великая Отечественная война. Тридцать...

Вчера, когда обходчик уходил на участок после собрания-планёрки, к железнодорожному вокзалу стали подходить люди. На Привокзальную площадь, к памятнику погибшим воинам-землякам, жители города несли цветы и венки. Из уличного динамика, установленного в железнодорожном саду, слышались военные песни: «Огонёк», «Землянка», «Тёмная ночь», «Катюша»...

Когда закончил обход, уже в четвёртом часу дня, обходчик вышел на Привокзальную площадь. Там по-прежнему были люди. Цветы лежали и стояли в корзинах вокруг памятника. Обходчик засмотрелся на юнармейцев. Они стояли в почётном карауле: паренёк и девушка в синих пилотках со звёздочками и в синих курточках с погонами. На паренёке были синие брюки, на девушке — синяя, закрывающая колени, юбка. Пионерские галстуки адели у них на груди. Юные армейцы стояли по стойке «смирно». Левая рука их была опущена вниз, а правой они держались за ремешок автомата.

«Школьники; наверное, пятый или шестой класс, — определил обходчик. — Интересно, а автоматы у них настоящие?»

С ним поздоровались. Он оглянулся и увидел молодого человека, выше себя ростом, в тёмной лёгкой курточке. Лицо парня показалось ему знакомым. Пробивающийся под носом пушок, длинные кудрявые волосы, покачивающиеся на ветру, серые выразительные глаза и добродушная улыбка.

— Здравствуйте, — ещё раз сказал ему парень. — Вы меня, наверное, не узнали? Я бывший ваш сосед по дому на Северо-Вокзальной улице.

— Володька? — скорее догадался, чем узнал, обходчик. — Сапунов?

— Да, я!

— Где ж тебя узнаешь? Ты за год с лишним, что мы не виделись, так вымахал... Повзрослел. Сколько тебе лет-то уже?

— Осенью семнадцать будет. Я десятый класс заканчиваю...

— Учиться дальше будешь или работать пойдёшь?

— Учиться буду, но, наверное, уже после того как в армии отслужу, а пока на завод пойду работать. Так решил. Матери помогать надо.

— Да, надо... — согласился обходчик. — Как она? Не хворает?

— Да нормально. Работает...

— Ну и хорошо, — кивнул обходчик. — Понятно дело: по отцу твоему скучает. Ведь жили-то они как хорошо — душа в душу. А брат её как? Дядька твой, Виктор?

— Да тоже хорошо. Женился, в город переехал. На мясокомбинате сантехником работает...

Пока они разговаривали, к памятнику подъехал новенький «уазик», и из него вышли капитан в парадной форме и ещё двое юнармейцев. Тоже паренёк и девушка.

— Сейчас смена караула будет, — пояснил Володя.

Капитан осмотрел стоящих перед ним юнармейцев, поправил девушке пилотку, потом встал впереди и скомандовал вполголоса:

— За мной — шагом марш!

Чеканя шаг, офицер и юные армейцы направились к памятнику. Прогуливающиеся на площади люди останавливались, расступались, давая им дорогу.

— Ну прямо как на Красной площади! — воскликнул обходчик. — Как в Москве, на смене караула у Мавзолея Ленина! И ребятишки маршируют как настоящие солдаты! И девочки не отстают от мальчиков. Ты смотри-ка!

— Та, что сейчас меняется, моя сестра, — сказал Володя. Он произнёс это возвышенно, с гордостью.

— Аня?! — удивился обходчик. — Иди ты! Тоже как выросла! Встретил бы на улице и не узнал.

— Она в шестой класс переходит. В августе ей двенадцать исполняется.

Новый караул принял из рук сдающих пост автоматы и замер у памятника погибшим воинам.

Сменившиеся промаршировали вслед за капитаном до УАЗа. После команды «вольно» Аня подошла к брату, негромко и несмело поздоровалась с обходчиком.

— Здравствуйте, Анечка! — поприветствовал её обходчик.

— Мы на праздничный концерт в ДК железнодорожников собрались, — сказал Володя. — Вы не идёте?

— Нет, ребята, — с сожалением покачал головой обходчик. — Я только что с обхода. Тоже вот вроде бы как смену сдал мастеру. Отдохнуть немного надо. Ну а вы идите. Всего вам хорошего. Матери и дяде Вите привет передавайте.

— Спасибо. Обязательно передадим, — отозвался Володя. — А вы бабушке своей от нас передавайте. Как у неё здоровье?

— Да, слава Богу, здорова сестра. Расскажу ей, что встретил вас. Привет передам. Она рада будет.

Попрощавшись с ребятами, обходчик, перед тем, как идти домой, зашёл в железнодорожный сад. Из двух

динамиков, установленных на летней эстраде, звучали песни военных лет. Пожилая пара — женщина в берете пятидесятых годов и прихрамывающий старик с густой седой шевелюрой в вышедшем уже из моды болоньевом плаще — медленно кружилась в танце. На скамеечках сидели люди, слушали песни и смотрели на танцующих. Обходчик присел на скамеечку, ближнюю к эстраде. Увидев его, танцующая женщина кивнула ему. Обходчик ответил кивком и присмотрелся. Это была Шура Чипанцева. Он узнал и мужа её, Валентина, и когда тот повернулся к нему лицом, поднял приветственно руку. Валентин, улыбнувшись, помахал ему.

По пути домой он встретил ещё нескольких знакомых. С кем-то он просто здоровался, кого-то поздравлял с праздником, с кем-то, остановившись, разговаривал.

К калитке своего дома он подошёл уже в начале шестого часа. Сестра была во дворе — вытрясала кружевные половички.

— Что-то ты сегодня, брат, задержался. Ужин остыл, поди, уже... Сейчас разогрею, — добродушно улыбаясь, сказала она, поспешив в дом.

Обходчик поднялся на крыльцо и, остановившись, прислушался. Из железнодорожного сада и сюда доносилась музыка, и можно было разобрать слова песни:

Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград...

7.

Обходчик вдохнул и улыбнулся. Путейский дом «на седьмой версте», выкрашенный в тёмно-красный цвет накануне праздника, показался справа от него. Значит, бóльшая половина пути в одну сторону пройдена.

Он хотел было спуститься вниз, проверить, всё ли в порядке, но услышал гудок. С запада на встречном пути показался пассажирский поезд. Поравнявшись с обходчиком, машинист электровоза дал приветственный гудок. Обходчик поднял руку и помахал ему в ответ.